
ВОВЛЕЧЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

(К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА ВШИРЬ)

А. В. ФАДЕЕВ

За последнее время проблема развития капитализма вширь в условиях пореформенной России все более привлекает внимание советских историков. При этом обычно ссылаются на указание В. И. Ленина, который, отмечая две стороны процесса образования капиталистического рынка (развитие капитализма вглубь и вширь), писал: «...Мы ограничились почти исключительно первой стороной процесса, и поэтому считаем особенно необходимым подчеркнуть здесь, что другая сторона его имеет чрезвычайно важное значение»¹. Однако, приведя эту цитату, некоторые авторы не утруждают себя углубленным изучением названной проблемы в конкретно-историческом плане, в результате чего их суждения остаются довольно поверхностными, а некоторые представления — ошибочными.

Так, например, существует мнение, что развитие капитализма вширь являлось не чем иным, как колониальным освоением национальных окраин². При этом упускается из виду, что не все национальные окраины Российской империи являлись ее колониями, что наличие национального гнета не может служить в данном случае определяющим признаком³. Население Прибалтики, Царства Польского, Украины бесспорно подвергалось со стороны царизма национальному угнетению, но по уровню экономического развития эти окраины Российской империи несколько не уступали ее внутренним великорусским губерниям, а в некоторых отношениях даже оказывались экономически более развитыми. Капитализм начал формироваться здесь не позднее, чем в центральных районах⁴. Русские фабриканты не в силах были преодолеть сопротивление местной национальной буржуазии и зарубежного иностранного капитала, а порой даже отступали под натиском своих конкурентов⁵.

Кроме того, если понимать под развитием капитализма вширь только развитие капитализма в национальных районах, то можно прийти к неправильному выводу о том, что там вовсе отсутствовал процесс

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 522.

² Подобное толкование данной проблемы получило распространение благодаря П. И. Лященко, который прямо заявлял, что «развитие капитализма вширь означало прежде всего колониальное освоение национальных окраин». См. П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II, изд. 4, М., 1956, стр. 417.

³ В. К. Яцунский. Промышленный переворот в России. «Преподавание истории в школе», 1955, № 5.

⁴ В. К. Яцунский. Основные этапы генезиса капитализма в России. «История СССР», 1958, № 5.

⁵ См. об этом У. А. Шустер. Экономическая борьба Москвы с Лодзью. «Исторические записки», т. 5, 1939.

развития капитализма вглубь. Между тем, нельзя разрывать эти два явления. В. И. Ленин рассматривал развитие капитализма вглубь и вширь как две стадии единого процесса, подчеркивая, что ««существенной» разницы между этими моментами нет»⁶. Если для распространения капиталистических отношений на новых территориях было характерно развитие капитализма в его первоначальных товарно-хозяйственных формах, то в дальнейшем на тех же территориях вызревали более сложные формы капиталистического хозяйства, типичные уже для «чисто-империалистического капитализма»⁷. Иными словами — развитие капитализма вширь приводило по мере освоения новой территории к развитию его вглубь.

Наконец, нельзя не учитывать, что, распространяясь вширь, капитализм осваивал не только национальные окраины, но и районы, издавна населенные русскими (Северо-Двинский бассейн, южную полосу Сибири и др.).

Следовательно, неправильно представлять развитие капитализма вширь только как процесс колониального освоения национальных окраин пореформенной России или подменять эту проблему вопросом о развитии капитализма в национальных районах империи.

Отдельные авторы склонны трактовать развитие капитализма вширь лишь как процесс расширения рынков сбыта для капиталистической промышленности⁸. Но тем самым они настолько сужают значение изучаемой проблемы, что по существу извращают объективно-исторический смысл данного явления.

Конечно, вопрос о формировании капиталистического рынка является очень важным. Озаглавив свой классический труд «Развитие капитализма в России», В. И. Ленин сопроводил его подзаголовком — «Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности». Заключая первую главу книги, он писал: «Степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране»⁹. Однако В. И. Ленин всегда считал понятие рынка неотделимым от понятия общественного разделения труда, напоминая, что «величина рынка неразрывно связана с степенью специализации общественного труда»¹⁰. Он не ограничивался признанием того, что освоение окраин превращало их в рынок сбыта фабричных изделий, но указывал, что «развитие промышленности в центральной России и развитие торгового земледелия на окраинах стоят в неразрывной связи, создают взаимно рынок одно для другого»¹¹.

Действительно, только благодаря такому общественному разделению труда устанавливались тесные экономические связи между различными районами пореформенной России и совершенствовалась их хозяйственная специализация. Следовательно, развитие капитализма вширь углубляло общественное разделение труда в рамках всероссийского рынка, а значит, ускоряло процесс создания единой общероссийской экономической системы. В этом именно и заключается, прежде всего, объективно исторический смысл развития капитализма вширь. В связи с этим один из современных исследователей подчеркивает, что «не превращение окраин в пассивный объект сбыта русских фабрично-заводских изделий», а процесс «экономического приобщения окраин...

---

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 89, прим.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 148.

⁸ Такое ограниченное и одностороннее толкование проблемы было дано, например, в макете «Истории Туркменской ССР», где развитие капитализма вширь сводится лишь к «приобретению новых рынков на окраинах», (т. 1, Ашхабад, 1955, стр. 564).

⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 47.

¹⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 83—84.

¹¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 219.

к общероссийской экономике» является «ведущей линией» данного процесса¹². С этим мнением нельзя не согласиться.

Заслуживает внимания и вопрос о причинах развития капитализма вширь в пореформенной России. Неправильно было бы ограничиваться в данном случае только указанием на присущее капитализму вообще стремление к безграничному расширению и обычные противоречия капиталистической реализации товаров. Разумеется, необходимо учитывать, что в отличие от докапиталистических способов производства капитализм не удовлетворяется узкими рамками общины и местного рынка, перерастая старые границы прежних хозяйственных единиц. Следует помнить также о неравномерности развития отдельных отраслей капиталистического производства, в силу которого «одна отрасль производства перегоняет другие и стремится выйти за пределы старого района хозяйственных отношений»¹³.

Но при всем том нельзя забывать о некоторых явлениях, характерных для пореформенной России. Наличие многочисленных остатков крепостничества значительно обостряло здесь обычные противоречия капиталистической реализации товаров, еще более ограничивая емкость внутреннего рынка. Полуфеодалные формы эксплуатации, особенно широко распространенные в деревне, сковывали рост материальных потребностей огромного большинства населения страны и являлись основной причиной его слабой покупательной способности. Платежеспособный спрос оставался на низком уровне и не соответствовал возможностям производства средств производства и предметов личного потребления. Именно поэтому обычное для капитализма стремление к расширению на другие территории особенно рельефно проявлялось в условиях пореформенной России, причем капиталистической экспансии способствовали здесь, с одной стороны, обилие свободных и доступных колонизации земель на окраинах, а с другой, — захватнические устремления русского царизма и военно-феодалный характер его колониальной политики.

Бесспорно, что развитие капитализма вширь на время отсрочивало разрешение того противоречия между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни, какое В. И. Ленин считал основным для пореформенной России¹⁴. Но такая отсрочка отнюдь не устраняла этого противоречия, а, напротив, расширяла его масштабы, что в будущем грозило господствующим классам Российской империи новыми, еще более грандиозными, социальными потрясениями.

Определяя развитие капитализма вширь как распространение сферы господства капитализма на новые территории, В. И. Ленин указывал, что последние могут быть двух типов: либо «совершенно не занятые и заселяемые выходцами из старой страны», либо «занятые племенами, стоящими в стороне от мирового рынка и мирового капитализма»¹⁵.

В пределах Северного Кавказа в пореформенный период встречались оба эти типа. Степное Предкавказье к началу 60-х годов XIX в. было еще «в значительной степени незаселенной территорией, на которую направлялся громадный приток переселенцев из центральной земледельческой России»¹⁶. Вместе с тем, горные районы края, хотя и были давно заселены и освоены обитавшими там народами, оставались тогда еще по существу не втянутыми в орбиту капиталистического рынка. Поэтому Северный Кавказ представляет собой в данном случае особый интерес

¹² А. С. Сумбат-Заде. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX веке, Баку, 1958, стр. 147.

¹³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 519.

¹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 522, прим.

¹⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 75.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 494.

для исследователя. Кроме того, экономическое «завоевание» Кавказа российским капитализмом началось раньше, чем освоение других южных и восточных окраин Российской империи. Не случайно, говоря о значении окраин в процессе образования внутреннего рынка, В. И. Ленин ссылался на экономическое «завоевание» Кавказа, добавляя, что «то же самое происходило и происходит и в Средней Азии и в Сибири и т. д.»¹⁷.

Наконец следует напомнить, что если развитию капитализма в Закавказье посвящен ряд монографических исследований советских историков¹⁸, то в отношении Северного Кавказа этот вопрос остается почти совершенно не изученным. Несколько локальных исследований¹⁹ и небольших, довольно поверхностных обзоров²⁰ далеко не исчерпывают этой богатой по содержанию и немаловажной по своему научному значению темы*.

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО «ЗАВОЕВАНИЯ» СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Вопрос о включении Кавказа в систему всероссийского рынка интересовал русскую буржуазию еще в дореформенный период, что нашло отражение в русской периодике и экономической литературе того времени²¹.

Видя в расширении русской торговли на Кавказе средство для расширения своего политического влияния среди местного населения, царское правительство поощряло стремление русского купечества к завоеванию кавказских рынков. Однако русская буржуазия не имела тогда ни достаточных капиталов, ни опыта, ни знания местных условий для того, чтобы энергично взяться за освоение кавказских рынков. В 1846 г. наместник Кавказа князь М. С. Воронцов в резких выражениях осуждал русских купцов за их косность и бездеятельность, заявляя, что они «как собака на сене, сами не пользуются для общего благоденствия выгодами от природы и от правительственных распоряжений, а вместе с тем не желают, чтобы другие это делали»²². Но титулованный сановник был не совсем прав, когда всю вину за слабое развитие русско-кавказских экономических связей возлагал только на русское купечество, по-барски пренебрежительно отзываясь о его способностях. Несомненно, тогда существовали и весьма серьезные объективные причины, сковывавшие активность русской буржуазии в отношении Кавказа.

В одной из резолюций междудементального Кавказского комитета указывалось: «Отдаленность сего края от наших мануфактурных губер-

¹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 521.

¹⁸ П. В. Гугушвили. Возникновение и развитие капитализма в Грузии и Закавказье, Тбилиси, 1941; М. А. Адонц. Экономическое развитие Восточной Армении в XIX веке, Ереван, 1957; В. Д. Мочалов. Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX в., М., 1958; и др.

¹⁹ П. А. Шацкий. Развитие торгового животноводства в Ставропольской губернии в 70—80 гг. XIX в. («Сб. тр. Ставропольск. пед. ин-та», вып. IX, Ставрополь, 1955, стр. 69—96); Е го же. Рост зернового капиталистического хозяйства Ставропольской губернии в конце XIX в. и начале XX в. («Материалы по изучению Ставропольск. края», вып. 8, 1956, стр. 295—319).

²⁰ И. Ф. Мужев. Развитие капитализма на Северном Кавказе («Сб. ст. по истории Кабарды и Балкарии», вып. VI, Ставрополь, 1957, стр. 137—162).

* В отборе и выявлении материалов по экономической истории Сев. Кавказа, находящихся в архивах и книгохранилищах Москвы, принимала участие Л. В. Куприянова.

²¹ П. Вышеславцев. Взгляд на Закавказье в хозяйственном и торговом отношениях его к России; «Сын Отечества», ч. 10, 1834. «Торговые пути из внутренних областей империи в Закавказский край». «Журнал Министерства внутренних дел», 1836, ч. XIX, № 1; П. Зубов. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и отдельных оному земель в историческом, статистическом, финансовом и торговом отношениях, СПб., 1835; «Обозрение российских владений за Кавказом», СПб., 1836; и др.

²² ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, д. 355, л. 310.

ний, недостаток хороших сообщений с Россией, опасности пути через земли горцев, все это препятствовало доселе и долго еще будет препятствовать тому, чтобы Закавказский край мог исключительно довольствоваться только русскими товарами»²³.

Однако главным препятствием на пути экономического освоения Кавказа служило господство в стране крепостного права. Являясь величайшим тормозом экономического прогресса во внутренней России, крепостничество одновременно ограничивало возможности крестьянской колонизации малонаселенных степных окраин империи, стесняло торгово-промышленную деятельность проникавших туда переселенцев, замедляло происходивший среди них процесс социального расслоения, сдерживало рост крестьянских накоплений, препятствуя превращению последних в действующий капитал. Военно-феодалные методы управления завоеванными территориями и насаждавшийся там жестокий колониальный режим мешали развитию торговых сношений с покоренным населением, как и вообще экономическому сотрудничеству народов окраин с русским народом. В этих условиях русское купечество не надеялось на успех своей коммерческой деятельности на Кавказе. Узость местного рынка была слишком очевидной. Недаром московский мещанин Александр Тимофеев, побывавший на Кавказе в 1839 г., сетовал на то, что это «край, изобилующий пустопоросшими землями и скудный предпримчивыми людьми»²⁴, а ставропольский губернатор даже в 1856 г. меланхолично заявлял: «Вообще торговля губернии не представляет замечательного развития...»²⁵.

Экономическое «завоевание» Кавказа могло начаться в широких масштабах только после завершения политического завоевания этого края и падения крепостного права в самой России. Совпадение этих двух событий еще более усиливало их значение.

Последние выстрелы Кавказской войны прогремели в черкесском урочище Кбаада в 1864 г., т. е. спустя три года после отмены крепостного права во внутренних губерниях империи. Проведенные вслед за тем, в 1864—1867 гг., местные реформы подорвали основы патриархально-феодалных отношений среди коренного населения Северного Кавказа.

Начало пореформенного периода было ознаменовано широким переселенческим движением русского крестьянства, искавшего спасения от малоземелья и притеснений «крепостников-последышей», как называл В. И. Ленин помещиков, ограбивших своих крестьян в результате проведения реформы. Он писал: «Из центральной земледельческой полосы население бежало и в промышленные губернии, и в столицы, и на южные и восточные окраины Европ. России, заселяя дотоле необитаемые земли»²⁶.

О том, насколько быстро росло население южных окраин пореформенной России за первые 30 лет после падения крепостного права, свидетельствуют следующие данные²⁷ (см. табл. 1).

Таким образом, темпы роста населения южных окраин были значительно выше, чем по России в целом. Особенно быстро росло население Сев. Кавказа.

Кроме того, существенное значение имеет тот факт, что увеличение населения южных окраин происходило не только за счет естественного прироста, но и за счет притока извне, преимущественно из внутренних

²³ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, д. 355, лл. 567—568.

²⁴ ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1369, л. 3.

²⁵ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 9, д. 101, л. 369.

²⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 227.

²⁷ «Статист. временник Российской империи», серия 2, вып. 1, СПб., 1871, стр. 2, 3, 26, 88, 90; «Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года», т. 1, СПб., 1905, стр. 2, 3; 1867 г. принят за исходную дату потому, что это был год завершения реформы на Сев. Кавказе.

Численность населения (в тыс. человек)

Районы	1867 г.	1 897 г.	в % к 1867 г.
Европейская Россия в целом (50 губерний)	63 659	93 442	47
Новороссия (Херсонская, Таврическая, Екатеринослав- ская губернии и Область вой- ска Донского)	4 448	8 859	99,2
Северный Кавказ без Дагестана (Кубанская и Терская области, Ставропольская губерния)	1 388	3 726	175,2

губерний России. С 1867 по 1897 г. население Сев. Кавказа (без Дагестана) увеличилось на 2394 тыс. человек, в том числе за счет притока извне — на 1 586 тыс. человек.

Анализируя эти явления, проф. В. К. Яцунский справедливо отмечает, что для Сев. Кавказа пореформенной эпохи основной причиной роста населения, несмотря на повышенный естественный прирост, была колонизация²⁸.

Даже на исходе XIX в. приток населения извне в пределы Сев. Кавказа еще не прекращался. По переписи 1897 г., среди населения Кубанской области значительное число составляли уроженцы внутренних губерний России. О нарастании темпов и масштабов колонизации этой области можно составить представление, сравнивая следующие данные: в дореформенное время за 25 лет (1825—1850 гг.) на Кубань переселилось всего 26 тыс. человек²⁹, тогда как за 30 пореформенных лет (1867—1897 гг.) сюда прибыло 946 тыс. человек, т. е. в 36 раз больше.

Очевидно, указание В. И. Ленина о том, что «главным условием, позволившим быструю колонизацию Новороссии, было падение крепостного права в центре России»³⁰, в полной мере относится и к Сев. Кавказу.

Прибывавшие из внутренних губерний переселенцы оседали в основном в прикубанских и ставропольских степях, и лишь отчасти в закубанских предгорьях. Высокие темпы колонизации этих районов создали возможность быстрого хозяйственного освоения их.

Еще в дореформенный период наибольший экономический эффект давало заселение предкавказских степей крестьянами, хотя царизм и придавал всегда особое значение не крестьянской, а военно-казачьей колонизации³¹. Тем более в пореформенное время переселение в Предкавказье вырвавшихся из под власти помещика и крепостной неволи крестьян сыграло огромную роль в подъеме производительных сил обширного края. Несмотря на то, что они в качестве «иногородних» подвергались всяческим притеснениям со стороны войсковой администрации терского и кубанского казачества, являвшегося основным собственником земли, именно им, русским и украинским крестьянам, в первую очередь было обязано Степное Предкавказье своим экономическим прогрессом и в пореформенную эпоху. Даже неприязненно и по-барски высокомерно относившиеся к ним чины казачьей администрации вынуждены были признавать, что «иногородние» представляют собой «тип людей наиболее энергичных», и что «пришлое население... безусловно способство-

²⁸ В. К. Яцунский. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724—1916 гг. «История СССР», 1957, № 1, стр. 213.

²⁹ «Кубанский сборник», вып. IV, стр. 43—44.

³⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 64.

³¹ См. об этом подробнее: А. В. Фадеев. Очерки экономического развития Степного Предкавказья, М., 1957.

вало, несмотря на все неблагоприятные условия его быта, экономическому развитию края, в отношении земледелия в особенности...»³².

Усиленная колонизация Северного Кавказа увеличивала емкость местного рынка не только потому, что рост населения, естественно, повышает спрос на предметы личного потребления, но еще и по той причине, что переселенцы, обзаводясь хозяйством на новых местах, поневоле должны были покупать необходимый земледельческий инвентарь, мебель, одежду, транспортные средства и пр. Связь с рынком крестьянина-переселенца с самого начала была более прочной, чем казака-старожила или аборигена-горца. Статистик, обследовавший положение закубанских переселенцев, писал, что в «хозяйстве местных жителей почти все покупное, даже белье», хотя «денег у населения мало»³³.

Реформы, проведенные в 1864—1867 гг. в горных районах Северного Кавказа, привели к обезземеливанию части горского крестьянства. Выселяясь с гор на равнины, эти крестьяне оседали на чужой земле и вынуждены были приобретать имущество и пропитание. Только в одной Северной Осетии таких «временнопроживающих» горцев насчитывалось свыше 4 тыс. человек³⁴. С другой стороны, выделявшаяся в процессе социального расслоения аульская верхушка предьявляла растущий спрос на фабричные изделия, начиная покупать не только ткани и галантерею, но и сельскохозяйственные машины и орудия³⁵.

Разумеется, это обстоятельство также способствовало расширению рыночных связей Сев. Кавказа с Центральной Россией.

2. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ КАК ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ И СЫРЬЕВАЯ БАЗА ПРОМЫШЛЕННЫХ РАЙОНОВ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Степное Предкавказье еще в дореформенный период постепенно вовлекалось в систему всероссийского рынка. Главным товаром, поступавшим во внутренние губернии империи из предкавказских степей, являлся скот. Поэтому не без основания Кавказскую губернию, включавшую в себя большую часть степной зоны Сев. Кавказа, еще в первой четверти XIX в. называли «хутором России, где плодятся и взращиваются лошади, быки и овцы»³⁶. По данным 1849 г., казаки и государственные крестьяне, составлявшие абсолютное большинство населения Степного Предкавказья, ежегодно продавали до 25 тыс. голов крупного рогатого скота на сумму 250 тыс. руб. серебром и до 30 тыс. овец на 40 тыс. руб. серебром, а кроме того, — 62 тыс. пудов овечьей шерсти на 80 тыс. руб. серебром³⁷. Тогда же из Предкавказья ежегодно доставлялось в Ростов-на-Дону и Таганрог до 300 тыс. четвертей хлеба, значительная часть которого затем экспортировалась за границу³⁸.

Но резко возрос спрос на продукты земледелия и животноводства Северного Кавказа лишь после 1861 г. в связи с усилившейся колонизацией и индустриализацией Юга, а также развитием крупной промышленности в центральных районах страны. При этом особое значение в данном случае имел рост городского населения, отражавший характерный для капитализма процесс отвлечения населения от земледелия к торгово-промышленной деятельности.

³² ГАКК, ф. управления Куб. обл., отчет начальника области за 1895 г., стр. 14, 16.

³³ Л. В. Македонов. Хозяйственное положение и промыслы населения нагорных станиц Кубанской области, СПб., 1904, стр. 42.

³⁴ М. Боев. Несколько слов об осетинах Владикавказского округа. «Терские ведомости», 1877, № 5.

³⁵ «История Северо-Осетинской АССР», М., 1959, стр. 208.

³⁶ Слова ревизовавшего в 1818 г. Кавказскую губернию сенатора Д. А. Мертваго. См. АКАК, т. VI, ч. 2, стр. 578.

³⁷ «Военно-статистическое обозрение Ставропольской губернии», СПб., 1851, стр. 205.

³⁸ АКАК, т. X, стр. 658.

Известно, что в пореформенной России городское население росло вдвое быстрее, чем остальное население, а на окраинах еще быстрее. Так, если по Европейской России в целом за 30 пореформенных лет (1867—1897 гг.) городское население увеличилось на 84%, то на Кавказе за тот же период оно выросло на 182% (с 424 тыс. до 1200 тыс. человек)³⁹.

Что касается Сев. Кавказа, то в его пределах городское население за те же 30 лет увеличилось более чем в 3 раза (с 140 934 в 1867 г. до 488 529 человек в 1897 г.), а в процентах ко всему населению края с 7 до 11%⁴⁰.

Наиболее быстро росли новые индустриальные города (Грозный, Новороссийск), а также те из старых городов края, которые являлись важными транспортными узлами и торговыми центрами (Екатеринодар, Владикавказ).

Спрос на сельскохозяйственную продукцию Сев. Кавказа возрастал, кроме того, и со стороны соседних областей, где также наблюдался в пореформенный период значительный рост городского и вообще неземледельческого населения. С одной стороны, росло торгово-промышленное население Приазовья и Донецкого бассейна, а с другой,— увеличилось городское население Закавказья: Тифлис по числу жителей вырос в 2,5 раза, Баку — в 8 раз⁴¹.

На состояние хлебного рынка на Сев. Кавказе оказывали влияние и рост городского населения в Средней Азии, которое за тот же период увеличилось с 651 до 934 тыс. человек⁴², и возрастающая потребность в привозном хлебе местного крестьянства, обусловленная бурным развитием хлопководства.

Нельзя не учитывать и общего увеличения городского населения в Центральном Промышленном районе, и развития отходничества в русской деревне, особенно нечерноземной полосы. Благодаря железнодорожному сообщению внутренние губернии империи стали потреблять больше продовольственных продуктов, привозимых с отдаленных окраин. Наконец, необходимо иметь в виду развитие внешней торговли России, являвшейся к концу XIX в. крупнейшей житницей Европы. За 30 пореформенных лет экспорт пяти главных зерновых хлебов из России за границу увеличился более чем в 5 раз (с 86 до 441 млн. пудов)⁴³. Однако сам по себе возросший спрос на сельскохозяйственную продукцию не мог бы явиться причиной небывало быстрого развития торгового земледелия и животноводства на Сев. Кавказе, если бы этому не благоприятствовали здесь еще и некоторые другие, весьма существенные условия.

Одним из этих условий являлась слабость крепостнических традиций в аграрном строе Степного Предкавказья. Еще в 1861 г. крепостные помещичьи крестьяне составляли в этом районе всего 2% населения, а на долю дворян приходилось менее 3% удобных земель⁴⁴. Правда, после завершения Кавказской войны площадь дворянского землевладения на Сев. Кавказе несколько увеличилась за счет земель, «пожалованных» представителям царского генералитета и военной бюрократии «за заслуги в деле покорения края», но и это не слишком изменило характерную для Предкавказья структуру землевладения. Больше всего «пожаловано» было казенных земель (преимущественно отобранных у горцев) в пределах Кубанской области. Однако и там они составляли 532 тыс.

³⁹ А. Г. Рашин. Население России за 100 лет, М., 1956, стр. 88.

⁴⁰ «Статистический временник Российской империи», серия 2, вып. 1, СПб., 1871, стр. 189—190; «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.», вып. 62, 66, 70 (по губерниям и областям), СПб., 1900—1905.

⁴¹ А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 93.

⁴² Там же, стр. 88.

⁴³ П. И. Лященко. Указ. соч., т. II, М., 1956, стр. 138.

⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 8, д. 184, л. 4; оп. 9, д. 180, л. 107.

десятин или 6% всего земельного фонда (8739 тыс. дес.)⁴⁵. В Ставропольской губернии спустя 20 лет после реформы дворянам принадлежало 288 тыс. десятин⁴⁶, или 7% общей земельной площади, составлявшей 3657 тыс. десятин. Таким образом, удельный вес дворянского землевладения на Сев. Кавказе был значительно ниже, чем во внутренних губерниях империи и в «Новороссии». Известно, что владения дворян к началу XX в. составляли по Европейской России 19%. Таков же был удельный вес дворянского землевладения и в целом по «Новороссии», хотя в Херсонской губернии дворянские земли достигали 20%, а в Екатеринославской даже 21%⁴⁷.

Незначительная по сравнению со всем земельным фондом площадь «пожалованных» земель на Сев. Кавказе неуклонно сокращалась и при том быстрее, чем во внутренних губерниях страны. Ставропольские помещики за 15 лет (1881—1896 гг.) потеряли 58% своих земельных владений⁴⁸, тогда как по Европейской России площадь дворянских земель за 28 лет (1877—1905 гг.) уменьшилась только на 27%⁴⁹. Управляющий Ставропольским отделением Государственного банка в объяснительной записке к отчету за 1895 г. подчеркивал, что «в губернии почти совершенно нет дворянского землевладения»⁵⁰. То же явление наблюдалось и в Кубанской области, где за указанный период из 532 тыс. десятин, «пожалованных» земель дворянами было продано 460 тыс. или 86%⁵¹. По свидетельству современника, «в большинстве имений не делалось даже и попыток заводить хозяйство»⁵².

Конечно, неправильно было бы считать, что на Сев. Кавказе вовсе отсутствовали пережитки крепостничества. Не говоря уже о горах, среди которых были еще очень живучи патриархально-феодальные отношения, даже в районах с преобладанием русского и украинского населения имела место сословная и областная замкнутость, порождавшая различия в порядке землевладения, в обеспеченности землей, отбывании налогов и т. п. И казачье землевладение, и надельное землевладение крестьян-переселенцев и горских крестьян отражало эти различия, характерные для феодального общественного быта. В. И. Ленин справедливо указывал, что устранение крепостничества имеет в виду не только уничтожение помещичьего землевладения. «Для того,— писал он,— чтобы построить действительно свободное фермерское хозяйство в России, необходимо разбить все средневековое землевладение, сравнять все и всяческие земли перед свободными хозяевами на свободной земле»⁵³.

Но как бы то ни было буржуазная собственность на землю росла и крепла на Сев. Кавказе гораздо быстрее, чем в других районах страны, а влияние пережитков крепостничества ощущалось здесь заметно слабее, чем на некоторых окраинах, например в Новороссии, хотя и там дворяне жаловались, что большинство помещичьих земель «переходит в распоряжение хозяйственного мужика»⁵⁴. В. И. Ленин подчеркивал, что «в России уже в 1861—1905 гг. обнаружались оба типа капиталистиче-

⁴⁵ ГАКК, ф. 460, оп. 1, д. 181, л. 4.

⁴⁶ «Статистика населенных мест и поземельной собственности в Ставропольской губ.», вып. IX, Ставрополь, 1881, стр. XXXVIII.

⁴⁷ Л. М. Иванов. Распределение землевладения на Украине. «Исторические записки», т. 60, стр. 176, таблица 7.

⁴⁸ П. А. Шацкий. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Ставропольской губернии в 70—80 гг. XIX в., канд. дисс., прилож. № 2.

⁴⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 56.

⁵⁰ П. А. Шацкий. Автореферат указ. дисс., стр. 10.

⁵¹ ГАКК, ф. 426, св. 158, д. 2751, лл. 46—47.

⁵² «Сборник Кавказского Об-ва сельского хозяйства», 1879, вып. 2, стр. 18.

⁵³ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 389.

⁵⁴ «Тр. Вольного экономич. об-ва», СПб., 1897, № 5, стр. 106. Доклад графа И. В. Стенбок-Фермора «Прогресс сельского хозяйства и развитие новой формы землепользования на юге России».

ской аграрной эволюции — и прусский... и американский (расслоение крестьянства и быстрота развития производительных сил на наиболее свободном и богатом землею юге)»⁵⁵. Раскрывая при этом понятие «Юга», для которого было характерно преобладание аграрной эволюции «американского» типа, он разъяснял, что «в тех местностях России, где не было крепостного права, где за земледелие брался всецело или главным образом свободный крестьянин (напр., в заселявшихся после реформы степях Заволжья, Новороссии, Северного Кавказа), развитие производительных сил и развитие капитализма шло несравненно быстрее, чем в обремененном пережитками крепостничества центре»⁵⁶. Следовательно, относительная слабость крепостнических традиций в аграрном строе колонизируемых районов Сев. Кавказа благоприятствовала их экономическому прогрессу.

Другим фактором, способствовавшим развитию торгового земледелия на Сев. Кавказе и формированию там земледельческого капитализма, было наличие крупных рынков найма рабочей силы.

Кадры сельскохозяйственных рабочих пополнялись за счет «иногородных» крестьян, особенно так называемых «квартирантов», т. е. не имевших не только земельного надела, но и своих жилищ. Нанимались в батраки и обедневшие казаки⁵⁷. Вынуждены были искать заработка многие из «коренных» крестьян, получивших в свое время наделную землю, но в недостаточном размере. В 1883 г. из 75 783 крестьянских дворов Ставропольской губернии 10 793 двора выделяли наемных рабочих⁵⁸. «За годовое прокормление» готовы были наниматься на работы изголодавшиеся бедняки-горцы, имевшие в своих аулах клочки пашни площадью по 0,1—0,2 десятины⁵⁹. Тысячи ингушей, чеченцев, осетин и других спускались с гор на равнину, чтобы успеть немного заработать поденным трудом на уборке урожая у богатых казаков, пока не созрел урожай на их жалких наделах в горных аулах.

Но, кроме того, для Предкавказья, как и для всего Степного Юга, был характерным массовый наплыв пришлых рабочих из центрально-черноземных и левобережных украинских губерний. Их привлекала сюда не только дешевизна продовольственных продуктов, но и сравнительно высокая заработная плата, достигавшая во время уборки 2 руб. 50 коп. и даже 3 руб. в день против 49 коп. в Орловской и 66 коп. в Самарской губерниях. Даже в Донской области заработок поденного рабочего не превышал 1 руб. 24 коп.⁶⁰

По данным управления Владикавказской ж. д., в 1891 г. по билетам IV класса (самым дешевым) было перевезено 107 тыс., а в 1892 г. — 345 тыс. пассажиров⁶¹. Можно полагать, что большинство из них являлись пришлыми рабочими, искавшими заработка. Значительная масса пришлых рабочих поглощалась сельским хозяйством Кубанской области. В начале 80-х годов XIX в. сюда ежегодно прибывало с севера до 60 тыс.⁶², а десять лет спустя — уже около 100 тыс. человек⁶³. Из них почти половина (45 тыс.) направлялись в западные отделы области — Ейский и Темрюкский, около 30 тыс. оставались на Средней Кубани (Екатеринодарский и Кавказский отделы), свыше 20 тыс. продвигались в Закубанье (Майкопский и Баталпашинский отделы). Крупными рын-

⁵⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 138.

⁵⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 217.

⁵⁷ «Кубанские областные ведомости», 18 октября 1897 г.

⁵⁸ П. А. Шацкий. Указ. дис., стр. 143.

⁵⁹ «Терский сборник», вып. 2, Владикавказ, 1892, стр. 107.

⁶⁰ «Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев», вып. 5, СПб., 1892, стр. 118; «Дело», 1884, № 4, стр. 8.

⁶¹ «Северный вестник», 1896, № 2, стр. 2; А. Белобородов. Пришлые рабочие на Кубанщине.

⁶² Ф. Щербина. Рабочие на Кубани. «Дело», 1884, № 4, стр. 6.

⁶³ «Северный вестник», 1896, № 2, стр. 21.

ками найма на сельскохозяйственные работы являлись, помимо городов Екатеринодара, Ейска, Темрюка, узловые ж. д. станции (Тихорецкая, Старо-Минская), а также большие станицы — Приморско-Ахтарская, Кисляковская, Гиагинская и др.

Работая от зари до зари, по 16—17 часов в день, в опаленной солнцем степи, многочисленные отряды пришлых рабочих вносили крупнейший вклад в освоение целинных степей Прикубанья и Ставрополья, содейвая им славу главных житниц страны.

Применение наемного труда В. И. Ленин считал главным проявлением «земледельческого капитализма»⁶⁴. Действительно, возможность широкого использования труда наемных рабочих, местных и пришлых, была одной из важнейших предпосылок роста капиталистических элементов на Северном Кавказе. Но именно освоение этого края капиталистическими методами и обеспечивало такой подъем производительных сил, какого он никогда не знал при господстве крепостничества. Разумеется, как и всегда при капитализме, экономический прогресс достигался в данном случае ценой тяжелых лишений трудящихся классов. Богатый казак или кулак-переселенец, хозяйство которого приобретало черты фермерского хозяйства, столь же жестоко эксплуатировал своих рабочих, как и зажиточный заокеанский фермер. Это подметил еще в 1886 г. Г. И. Успенский, который, проезжая по кубанским степям, писал: «Начинает встречаться фигура точь в точь такого же самого американского плантатора, какую мы видим на иностранных объявлениях о разных новоизобретенных машинах... А неразлучно с благообразным и благополучным плантатором начинают попадаться буквально целые обозы «рабочих рук», к сожалению, также вполне соответствующих американскому своему сотоварищу — негру»⁶⁵. О грубой и безудержной эксплуатации пришлых рабочих кубанскими казаками и кулаками-хуторянами рассказывали и другие очевидцы⁶⁶.

В первые два десятилетия после реформы 1861 г. на Северном Кавказе особенно быстро развивалось торговое животноводство. Это было связано с усиленной распашкой целинных степей на Украине, откуда «большие стада овец перегоняются на Кубань, в Астраханскую и Ставропольскую губернии»⁶⁷.

Сокращение поголовья скота в Южной Украине и увеличение его в Предкавказье отчетливо выясняется по следующим данным⁶⁸:

ТАБЛИЦА 2

Количество овец на 100 жителей

Губернии	1860 г.	1900 г.
Херсонская	214	65
Екатеринославская	284	89
Таврическая	427	155
Ставропольская	265	310

При этом наибольшее количество овец на 100 жителей приходилось в Ставрополье в 1878 г., когда оно достигало 410 голов⁶⁹. Следовательно-

⁶⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 200.

⁶⁵ Г. И. Успенский. Собр. соч., т. 7, М., 1957, стр. 327, Письма с дороги.

⁶⁶ А. Белобородов. Указ. статья, стр. 5.

⁶⁷ «Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России», СПб., 1873, стр. 38.

⁶⁸ «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», под ред. П. П. Семенова-Тянь-Шанского, т. XIV, СПб., 1910, стр. 324; «Сборник статистич. сведений о Ставропольской губернии», вып. 1, стр. 13.

⁶⁹ ГАСК, ф. губернаторских отчетов, Отчет за 1878 г., л. 23.

но, быстрее всего овцеводство развивалось в Предкавказье в 60—70-годах XIX в., а потом рост его замедлился и, наконец, приостановился.

Самыми высокими темпами отличалось в Предкавказье развитие тонкорунного овцеводства. Если в 1866 г. в Ставропольской губернии насчитывалось всего немногим более 1,5 тыс. мериносов, то 11 лет спустя их поголовье достигало здесь уже 2 млн.⁷⁰ Огромные стада тонкорунных овец передвигались в эти годы за Дон из Северного Причерноморья, находя для себя привольные пастбища и в почти нетронутых плугом земледельца предкавказских степях. Владельцев этих стад привлекало не только обилие пастбищ, но и дешевизна их. В Северной Таврии аренда 1 десятины под выпас скота обходилась в 1 руб. 50 коп.— 1 руб. 75 коп. в год, а в Ставрополье — от 25 коп. до 60 коп. Втрое ниже были здесь и продажные цены на землю.

«Тавричане», как стали называть на Сев. Кавказе переселившиеся овцеводов, являли собой пример формировавшейся на степных окраинах сельской буржуазии. Они с жадностью захватывали крупные массивы, арендуя сотни и тысячи десятин казенной и «пожалованной» дворянам земли. Настоящим «чумазым лендлордом» был, например, крестьянин Медвеженского уезда Степан Бедрик, успевший в 1872 г. купить 2045 десятин и арендовавший, кроме того, до 2000 десятин. Его отары насчитывали 4 тыс. овец, а стада рогатого скота — более 1500 голов⁷¹. Таких «тавричан», владевших тогда огромными отарами мериносов, на Ставрополье было немало⁷².

Торговое животноводство развивалось в пореформенный период в Предкавказье на основе жесточайшей эксплуатации наемных рабочих. О бесправии чабанов и батраков, нанимавшихся для стрижки овец, о горькой доле батраков, служивших «степным королям» — овцеводам — повествуют многие современники. «Если в степях Северного Кавказа, — писал один из них, — вообще нет недостатка в хищниках, то первое место среди них по алчности, грубым и до крайности бесцеремонным приемам опутывания своих жертв бесспорно принадлежало тавричанам»⁷³.

Благодаря развитию тонкорунного овцеводства Ставрополье стало крупным поставщиком шерсти, вывоз которой за пределы губернии за 15 лет (1884—1899 гг.) увеличился (по стоимости) в 3 раза (с 1 612 тыс. до 5 300 тыс. руб.)⁷⁴.

Наряду с овцеводством больших успехов достигло и разведение крупного рогатого скота. К 1900 г. на 100 жителей приходилось крупного рогатого скота в Херсонской губернии 47, в Таврической — 63, а в Ставропольской — до 100 голов⁷⁵. Вывоз скота на продажу ставропольскими мясоторговцами в первой половине 70-х годов оценивался в 1,2 млн. руб., а к концу 90-х годов XIX в. в 4,3 млн. руб.⁷⁶.

Однако и в Предкавказье по мере распашки целинных степей и сокращения площади пастбищ животноводство отступало на второй план. За 20 лет (1881—1900 гг.) удельный вес пашни по отношению ко всему земельному фонду увеличился по отдельным уездам Ставропольской губернии от 30—40% до 78—83%, а количество овец уменьшилось с 1879 г. по 1899 г. с 410 до 296 голов (на 100 жителей)⁷⁷.

⁷⁰ ГАСК, ф. губ. отчетов, Отчеты за 1866 г., л. 96; за 1877 г., л. 11.

⁷¹ «Ставропольские губернские ведомости», 1878, № 23.

⁷² См. документы о покупке и аренде земли, хранящиеся в ГАСК (ф. 229, оп. 1, д. 524, л. 85; ф. 249, оп. 2, д. 271, л. 11 и др.).

⁷³ «Мир божий», 1902, № 7, отд. 2, стр. 28.

⁷⁴ ГАСК, ф. 80, св. 2, д. 18, лл. 130—136.

⁷⁵ «Россия», т. XIV, стр. 327.

⁷⁶ И. Бентковский. Ставропольская скотопромышленность на Московском и Петербургском рынках, Ставрополь, 1875, стр. 58; «Памятная книжка Ставропольской губернии на 1904 г.», Ставрополь, 1904, стр. 18—19.

⁷⁷ И. Н. Кокшайский. Эволюция хозяйственной жизни Ставропольской губернии за время 1880—1913 гг., Саратов, 1915, стр. 2, 34.

Проведение Владикавказской магистрали и сооружение боковых ветвей ее в сторону Екатеринодара и Ставрополя облегчило вывоз зерна из глубинных районов Сев. Кавказа и тем самым стимулировало развитие здесь торгового земледелия.

Если в центрально-черноземных губерниях России за два последних десятилетия XIX в. (1881—1899 гг.) посевные площади хлебов не только не расширились, но даже несколько сократились (с 10 951 тыс. до 10 397 тыс. дес.), а в «Новороссии» (Южной Украине) увеличились лишь в 1,3 раза (с 10 603 тыс. до 13 944 тыс. дес.), то в Ставропольской губернии за тот же период они возросли более чем вдвое (с 748 тыс. до 1586 тыс. дес.), а в Кубанской области за 26 лет (1875—1901 гг.) — более чем втрое (с 805 тыс. до 2509 тыс. дес.)⁷⁸.

К концу XIX в. (по данным 1892—1896 гг.) валовой сбор хлебов в целом по Сев. Кавказу достиг 156 млн. пудов, из которых $\frac{3}{4}$ давала Кубанская область⁷⁹.

Особенно быстро росли здесь в конце XIX в. посевы и валовые сборы пшеницы и кукурузы, как культур, отличавшихся наибольшей товарностью. Характерно, что кукуруза успешно оттесняла другие зерновые культуры не только в степной зоне, но и в горах. Так, например, в Грозненском округе в 1876 г. на долю кукурузы приходилось 57%, а к 1890 г. уже 78% общего сбора зерна⁸⁰. За 5 лет (1888—1893 гг.) посевная площадь всех хлебов Грозненского округа расширилась на 21%, а посевы кукурузы — на 39%⁸¹. Отсюда следует, что для Чечено-Ингушетии кукуруза стала еще к 90-м годам XIX в. ведущей зерновой культурой.

Показателем высокой товарности земледелия на Северном Кавказе являлось то, что по чистому сбору зерна на душу населения этот край значительно обгонял даже хлебородные районы Южной Украины. Подонья и Нижнего Поволжья.

К началу XX в. на душу населения приходилось (за вычетом семян):⁸²

в Донской области	50 пудов
в Таврической губернии	42 пуда
в Саратовской »	32 пуда
в Херсонской »	31 пуд
На Сев. Кавказе	
в Тверской области	37 пудов
в Ставропольской губернии	62 пуда
в Кубанской области	69 пудов

Все более мощным потоком направлялось возвращенное на Кавказе зерно в закрома всероссийского хлебного рынка, в индустриальные центры и морские порты империи. За первые 20 лет существования Владикавказской ж. д. (1876—1896 гг.) перевозки хлебных грузов по ней увеличились более чем в 20 раз (с 2,8 до 58 млн. пудов)⁸³.

После сооружения в 1888 г. ж. д. ветки Тихорецкая — Новороссийск от главного потока кавказского зерна, направлявшегося на север, к Ростову, отделился другой, устремившийся на Запад, к Черному морю.

⁷⁸ «Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в.», вып. 1, СПб., 1902, стр. 52—55; «Сельское хозяйство России в XX в.», сб. под ред. Н. П. Огановского, М., 1923, стр. 170—171; И. Н. Кокшайский. Указ. соч., стр. 18.

⁷⁹ А. Д. Билимович. Товарное движение на русских железных дорогах, Киев, 1902, табл. 12.

⁸⁰ «Сб. сведений о Терской области», вып. 1, Владикавказ, 1891, стр. 114; вып. 3, стр. 75.

⁸¹ «Терский сборник», вып. 3, Владикавказ, 1893, стр. 74.

⁸² «Россия», т. XIV, стр. 286; И. Н. Кокшайский. Указ. соч., стр. 6—7.

⁸³ «Отчет правления Общества Ростово-Владикавказской ж. д. за 1876 год», СПб., 1877, прилож. 7; «Сводная статистика перевозок хлебных грузов по Владикавказской ж. д. (1893—1914)», табл. № 15.

За два года до того, в 1886 г., Г. И. Успенский писал о Новоросийске, что это — «зеленый стебелек, едва-едва показавшийся на девственной почве пустынного побережья», что «пока еще греховодник-капитал не показывал сюда своего носа»⁸⁴. Но как только рельсовый путь связал Новоросийск с зерновыми районами края, этот город, расположенный на берегу глубокой, незамерзающей бухты, стал быстро превращаться в крупнейший, после Одессы, порт Черноморского бассейна. Правление Общества Владикавказской ж. д. немедленно оценило значение Новоросийского порта для экспорта кавказского хлеба на европейские рынки. Оно не пожалело средств, чтобы оборудовать причалы и механизировать погрузочные операции. Помимо 14 каменных амбаров общей вместимостью 4,7 млн. пудов, там было построено 8 элеваторных башен и, наконец, огромный амбар-элеватор на 3 млн. пудов зерна. Специальные подъездные пути вели к четырем хлебным пристаням, у которых могли одновременно грузиться 16 пароходов. За первые 7 лет после открытия Новоросийской ж. д. ветки (1888—1895 гг.) вывоз зерна из Новоросийского порта увеличился в 18 раз (с 2,2 млн. до 37,2 млн. пудов). Новоросийск по праву стали называть «морскими воротами Северного Кавказа»⁸⁵.

В начале 90-х годов XIX в. на крупных станциях Владикавказской ж. д. (Тихорецкая, Кавказская, Армавир, Прохладная и др.) были построены элеваторы, на многих других — крытые зернохранилища. В 1895 г. станционные элеваторы приняли с подвод 1449 тыс. пудов и погрузили в вагоны 961 тыс. пудов зерна⁸⁶. Учрежденное в 1889 г. Коммерческое агентство Владикавказской ж. д. развернуло кипучую деятельность по приему и перевозке хлебных грузов. Оно авансировало хлебоотправителей, выдавая ссуды под хлеб до 80% биржевой стоимости зерна. Если в 1889 г. таких ссуд было выдано на сумму 17 тыс. руб., то в 1895 г. уже на сумму 958 тыс. руб.⁸⁷.

Вступив в решительную борьбу со своими конкурентами на местном рынке, Общество Владикавказской ж. д. явно стремилось монополизировать скупку и продажу зерна в пределах Сев. Кавказа. Прежде зерно либо продавали сами производители на ярмарках и базарах, либо его закупали местные лавочники и мелкие посредники или, как их называли тогда, «шибаи», приезжавшие в села и станицы. С проведением железной дороги картина менялась. «Следом за инженерами, строящими чужунку, наступает купечество, сотни хлеботорговых фирм основывают свои конторы»... — сообщала одна из местных газет⁸⁸. На долю сельских лавочников и приезжавших в села мелких «шибаев» к началу 90-х годов приходилось лишь 3% поступающего в продажу хлеба. До 50% товарного зерна скупали комиссионеры, оперировавшие в больших торговых центрах, 17% — конторы местных хлеботорговцев и 30% — крупные хлеботорговые фирмы, в том числе и иностранные⁸⁹. Об одной из этих фирм, возглавлявшейся парижским миллионером Луи Дрейфусом, современники рассказывали, что «степь наводнена его комиссионерами, которые скупают хлеб партиями у сельских и станичных ссыпщиков, выдавая последним авансы на ведение дела»⁹⁰.

В кредитовании хлеботорговцев Сев. Кавказа большую роль играл один из крупнейших коммерческих банков пореформенной России — Азовско-Донской, учрежденный в 1871 г. в Таганроге. Общество Влади-

⁸⁴ Г. И. Успенский. Собр. соч., т. 7, М., 1957, стр. 287, 294.

⁸⁵ «Портовое устройство Общества Владикавказской ж. д. и обзор коммерческой деятельности дороги в Новоросийске на 1 января 1896 г.», СПб., 1896, стр. 11—19.

⁸⁶ Там же, стр. 38.

⁸⁷ Там же, стр. 34.

⁸⁸ «Северный Кавказ», 25 апреля 1896 г.

⁸⁹ Ф. А. Щербина. Общий очерк экономических и торгово-промышленных условий района Владикавказской ж. д., ч. II, СПб., 1893, стр. 57—64.

⁹⁰ С. Бельский. Новая земледельческая Россия, СПб., 1910, стр. 184.

кавказской ж. д., опираясь на поддержку Петербургского Международного банка, с которым оно было связано, вело упорную борьбу с агентурой Азовско-Донского банка, но так и не могло преодолеть ее влияние⁹¹.

Занимавшихся скупкой зерна на месте мелких хлеботорговцев из числа сельской буржуазии ссужали сельские банки или кредитные товарищества. Кстати, первое в России кредитное товарищество возникло в 1894 г. именно на Сев. Кавказе — в селении Кугульта Ставропольской губернии. К 1906 г. на Ставрополье имелось уже 12 кредитных товариществ — вдвое больше, чем в любой из центральных губерний России⁹².

Нет нужды говорить о том, как беззастенчиво обирали трудящихся хлеборобов наживавшиеся за их счет мелкие и крупные хищники. Достаточно сказать, что считалось в порядке вещей, когда скупщик принимал от крестьянина хлеб из расчета не 40, а 41 фунт в каждом пуде⁹³.

Развитие торгового земледелия на Сев. Кавказе находило свое выражение не только в росте производства зерна, но и в развитии других высокотоварных отраслей сельского хозяйства, например табаководства.

Крупные масштабы приобрело на Сев. Кавказе в пореформенный период производство льняного и особенно подсолнечного масла, в связи с чем во многих городах и больших станицах, наряду с мельницами и крупорушками, появились маслобойные заводы.

Вместе с тем Сев. Кавказ играл все более заметную роль в снабжении промышленных районов страны минеральным сырьем и топливом. С выходом в 1893 г. Владикавказской ж. д. к побережью Каспия у Петровска значительно расширились возможности сбыта грозненской нефти. Вместо мелких кустарных промыслов в районе Грозного стали возникать крупные капиталистические предприятия, принадлежавшие известным русским и иностранным фирмам. За десять лет (1893—1902 гг.) добыча нефти в Грозненском районе увеличилась в 4,3 раза (с 8 до 35 млн. пудов)⁹⁴. С 1893 г. стали приобретать значение нефтепромыслы на побережье Дагестана (вблизи Берикея и Каякента), где к началу XX в. добывалось около 500 тыс. пудов нефти⁹⁵. Свыше 2 млн. пудов давали к этому времени Майкопские нефтяные промыслы на Западном Кавказе.

В 1881 г. было положено начало производству портланд-цемента на Черноморском побережье у Новороссийска. Производительность построенного здесь завода достигла в 1897 г. около 4,5 млн. пудов. По выпуску продукции этот завод занимал первое место среди других цементных заводов России. В конце 90-х годов XIX в. заметно повысилась добыча серебро-свинцовой и цинковой руды в Садоне (Северная Осетия).

Вследствие низкого органического состава капитала, обеспечивавшего высокую норму прибыли, добывающая промышленность Сев. Кавказа привлекала представителей иностранных монополий. В нефтяной промышленности большую роль играл английский капитал, в цементной — германский, в горнорудной — бельгийский.

Большинство промышленных предприятий края отличались примитивными формами организации производства и отсталой техникой. Разработка недр велась хищнически. На нефтепромыслах применялось исключительно ударное бурение с малой скоростью проходки, нефть добывали тартанием желонками; отсутствие геологического изучения нефте-

⁹¹ «Азовско-Донской банк,— писал Ф. А. Щербина,— выдает больше и чаще ссуды под хлеб, чем Владикавказская ж. д. Получение ссуд от агентов этого банка — минутное дело; за чашкой чая или рюмкой водки у буфета на станции агентами этого банка решаются ссуды на десятки тысяч рублей» (Указ. соч., стр. 51).

⁹² «Сборник сведений по Северному Кавказу», т. 1, Ставрополь, 1906, стр. 20—22.

⁹³ «Вестник Европы», 1908, кн. 6, стр. 554.

⁹⁴ «Грознефть», сб. статей, изд. газ. «Грозненский рабочий», Грозный, 1928, стр. 50.

⁹⁵ И. Р. Нахунов. Экономические последствия присоединения Дагестана к России, Махачкала, 1956, стр. 110.

носных пластов приводило к обводнению скважин. На Грозненских нефтеперегонных заводах, по словам современника, можно было видеть саманные постройки и недостроенные сооружения, «причудливо скомплектованные в батареи кубы..., непостижимые соединения паровых котлов..., невероятные комбинации трубопроводов»⁹⁶. В районе Садонских рудников беспощадно вырубался прекрасный строевой лес, который тут же сбрасывался на дно ущелья и гнил там. Руду возили за десятки километров на арбах, запряженных волами. Условия труда были невыносимы. Отношения капиталистов к рабочим имели явные черты колониального произвола. Недаром одна из местных газет писала, что кавказский рабочий «по своему положению нисколько не уступает негру Северной Америки времен расцвета рабства»⁹⁷.

3. ПРЕВРАЩЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В РЫНОК СБЫТА ДЛЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В кругах русской буржуазии не скрывали своего восторга по поводу успехов завоевательной политики царизма на Кавказе и в Средней Азии. Отражая эти настроения, газета «Московские ведомости» в 1867 г. писала, что присоединение к России новых территорий в Азии дает «полную возможность развить там нашу торговлю к великой выгоде национального мануфактурного производства»⁹⁸. (Под мануфактурным производством, разумеется, понималась крупная капиталистическая промышленность). На собраниях созданного в том же году Общества для содействия русской промышленности и торговле новые окраины империи рассматривались под углом зрения развития капитализма вширь. Ораторы заявляли: «Рынки эти важны для русской торговли и промышленности, как для сбыта своих изделий, так и еще более для покупки сырья для своих фабрик»⁹⁹.

Но проходили годы, а процесс колониального освоения окраин развивался медленно. В речах идеологов русской буржуазии явно звучали нотки разочарования. Один из них — В. Гиляранский, выступая на собрании упомянутого общества, патетически восклицал: «Кавказ теперь наш! Естественно рождается вопрос: что же мы с ним сделали? Чего мы достигли с его приобретением? Англия, завоевав Индию, расширила через ту свою торговлю, развила свою фабричную промышленность... Франция завоевала Алжир и ведет ту же деятельную торговую политику... Что же дает нам «наш погибельный Кавказ»?». По мнению этого трубадура капиталистической экспансии, кавказский рынок еще не принадлежал русской буржуазии¹⁰⁰. Мысль о том, что «Кавказ не эксплуатируется русскими предприимчивостью и торговлею подобно тому, как эксплуатирует Англия свои индийские владения», высказывалась на рубеже 70-х и 80-х годов XIX в. неоднократно¹⁰¹.

О возросшей заинтересованности русских капиталистов в экономическом завоевании Кавказа свидетельствует их борьба за отмену возстановленного в 1846 г. стараниями князя М. С. Воронцова беспощадного закавказского транзита. В конце 1882 г. Общество для содействия русской промышленности и торговле организовало широкое обсуждение этого вопроса¹⁰². Требование об отмене закавказского транзита поддерживали Московский и Казанский биржевые комитеты¹⁰³. Известные русские фабриканты и заводчики — В. и Д. Морозовы, А. Кольчугин, Гу-

⁹⁶ «Грозненское нефтяное хозяйство». 1922, № 5—6, стр. 35.

⁹⁷ «Терские ведомости», 27 апреля 1901 г.

⁹⁸ «Московские ведомости», 20 мая 1867 г.

⁹⁹ ТОДСРПИТ, 1876, ч. 9, стр. 4.

¹⁰⁰ Там же, 1883, ч. 13, стр. 26.

¹⁰¹ «Кавказский календарь на 1881 г.», Тифлис, 1880, стр. 58.

¹⁰² ТОДСРПИТ, ч. 13, стр. 91—200.

¹⁰³ ГИАМО, ф. 143, оп. 1431, св. 10, д. 98, л. 18.

жон, А. Четвериков, М. Кузнецов и другие в своих заявлениях настаивали на принятии «особых охранительных мер», способных защитить их от иностранной конкуренции. Только в этом случае они считали для себя возможным «уделять свои произведения для Кавказа и Закавказья»¹⁰⁴. Владелец крупного предприятия по производству фарфоро-фаянсовой посуды М. С. Кузнецов указывал, что «для сбыта своих изделий на Кавказе» он устроил склады в Ростове-на-Дону, Одессе и Астрахани, но вытеснить с кавказского рынка заграничные фаянсовые изделия ему не удалось. «Конкурировать нам, русским заводчикам, с иностранными товарами у себя же в России нет возможности», — с раздражением восклицал он¹⁰⁵.

Жалуясь на трудности освоения кавказского рынка, многие русские промышленники отмечали отсутствие удобных путей сообщения. В большинстве случаев русские промышленные товары поступали на Кавказ «лишь водным путем на Астрахань, закрытым в продолжении 6 месяцев»¹⁰⁶. В связи с этим, ратуя за то, чтобы «сбыт русских фабрикатов был прогрессивно облегчаем по мере развития производства наших фабрик», защитники интересов русской буржуазии требовали «построить кратчайшие железные дороги от фабричных округов средней России на азиатские наши рынки...»¹⁰⁷. Первой такой железнодорожной магистралью, связавшей Центральную Россию с Кавказом, явилась линия Ростов — Владикавказ.

Еще в 1868 г. представитель берлинского банка «Томас Беринг и К^о» Гольцбауэр пытался получить концессию на постройку железной дороги Ростов — Екатеринодар — Анапа. Однако наместник царя на Кавказе вел. кн. Михаил Николаевич высказался против этого проекта и в 1869 г. предложил связать Ростов-на-Дону железнодорожной линией с Владикавказом — начальным пунктом ведущей в Закавказье Военно-Грузинской дороги. Руководствуясь прежде всего стратегическими соображениями, он утверждал, что только такой вариант обеспечит Кавказ «от внутренних беспорядков и внешних вторжений»¹⁰⁸. За проведение железнодорожной линии в юго-восточном направлении по долинам Кубани и Терека было и Министерство путей сообщения, признавшее это направление «наиболее выгодным в торговом и политическом отношениях»¹⁰⁹.

Концессия на сооружение новой железнодорожной магистрали была предоставлена в 1872 г. Акционерному обществу Ростово-Владикавказской дороги, основанному инженером Р. В. Штейнгелем. Весной 1873 г. начались переговоры с кавказскими землевладельцами об отчуждении земель в полосе строительства и были развернуты земляные работы¹¹⁰. Три года спустя, 2 июля 1875 г., движение по новому рельсовому пути было открыто на всем протяжении от Ростова до Владикавказа, т. е. на расстоянии 652 верст¹¹¹.

В одном из ведомственных изданий говорится, что эта дата является для Сев. Кавказа столь же знаменательной, как и день окончания Кавказской войны¹¹². Несмотря на апологетический характер этого заявления, в нем содержится доля истины. По существу только с постройкой первой железной дороги и началось экономическое «завоевание» Северного Кавказа российским капитализмом.

¹⁰⁴ ГИАМО, ф. 143, оп. 1431, св. 10, д. 98, л. 109.

¹⁰⁵ Там же, лл. 133—135.

¹⁰⁶ Там же, л. 108.

¹⁰⁷ ТОДСРПИТ, ч. 13, стр. 1270.

¹⁰⁸ «Наша железнодорожная политика», историч. очерк., сост. Н. А. Кислинский, т. 2. СПб., 1902, стр. 35.

¹⁰⁹ Там же, стр. 122.

¹¹⁰ ГАРО, ф. 26, оп. 11, д. 932, лл. 1—5 и др.

¹¹¹ «Наша железнодорожная политика», т. 2, стр. 122; «Адрес-календарь Владикавказской ж. д. на 1913 г.», стр. 34; Г. Москвич. Владикавказская железная дорога, Пг., 1915, стр. 20.

¹¹² «Адрес-календарь Владикавказской ж. д. на 1913 г.», стр. 34.

В. И. Ленин говорил о Закаспийской железной дороге, что она «стала «открывать» для капитала Среднюю Азию»¹¹³. С полным правом можно сказать, что Кавказ открыла для капитала Владикавказская железная дорога, обеспечившая широкое поступление сюда фабричных изделий из промышленных районов страны и постоянный приток рабочей силы из внутренних губерний, страдавших от аграрного перенаселения.

Конечно, значение новой магистрали выявилось не сразу. Вне сферы ее влияния еще оставались хлеботородные районы низовьев Кубани и Приазовья, а также большая часть Ставрополя и Терской области. Она не связывала край ни с одним из черноморских и прикаспийских портов. Первые годы новая железная дорога была убыточной. Только с постройкой ветви Тихорецкая — Новороссийск (1887—1888 гг.) грузооборот дороги заметно увеличился. В дальнейшем продолжение магистрали до г. Петровск-Порт на Каспийском море (1894 г.) и сооружение ветви Кавказская — Ставрополь (1897 г.) еще более подняли ее значение, а проведение линии Тихорецкая — Царицын (1899 г.) и соединение через Дербент с Закавказской ж. д. (1900 г.) еще прочнее связали ее со всей железнодорожной сетью империи¹¹⁴. К 1900 г. эксплуатационная длина Владикавказской ж. д. достигла 2026 верст¹¹⁵.

О влиянии железнодорожного строительства на рост товарного обращения в пределах Сев. Кавказа можно судить по тому, что за первые 20 лет эксплуатации Владикавказской железной дороги общее количество перевезенных по ней грузов возросло в 24 раза (с 4,8 млн. пудов в 1876 г. до 119,1 млн. пудов в 1896 г.) и достигло к 1900 г. 194,9 млн. пудов¹¹⁶. При этом в общей массе перевезенных грузов выделялись промышленные товары. Так, перевозки текстильных изделий увеличились за 5 лет (1877—1892 гг.) в 4 раза, а перевозки земледельческих машин и орудий за 8 лет — в 3,9 раза, что является показателем значительного расширения сбыта промышленных товаров в крае¹¹⁷. Конечно, известное место среди перевозимых по Владикавказской железной дороге грузов составляли транзитные грузы, направлявшиеся в Закавказье и обратно. Однако в большей мере это относилось к грузам, следовавшим на север, во внутренние губернии России. В числе прибывавших из России в пределы Северного Кавказа грузов транзитные грузы составляли не более 20%¹¹⁸.

О росте товарного обращения на Северном Кавказе свидетельствуют данные о расширении деятельности местных торговых предприятий (см. табл. 3).

Не трудно заметить, что: 1) за 10 лет годовой оборот всех торговых предприятий края увеличился в 2,3 раза, и 2) при некотором снижении доли мануфактурно-галантерейных и металлических изделий среди проданных товаров (по стоимости) торговля ими продолжала увеличиваться и приносить значительную прибыль, составлявшую свыше одной трети годовой прибыли всех торговых предприятий.

Наряду с падением ярмарочной торговли расширялась сеть стационарных торговых заведений. Число магазинов, лавок, ларьков, лабазов, трактиров и прочего быстро увеличивалось не только в городах и крупных казачьих станицах. Они открывались и в горских аулах. В адыгейском ауле Новый Бжегокай в 1890 г. имелись 2 мануфактурные и 2 ме-

¹¹³ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 74.

¹¹⁴ «Доклады по обследованию железных дорог», СПб., 1913, доклад № 24.

¹¹⁵ «Таблицы результатов эксплуатации русских железных дорог за 1895—1911 гг.», СПб., 1913, стр. 46—47.

¹¹⁶ «Сводная статистика перевозок хлебных грузов по Владикавказской ж. д.», Пг., 1915, табл. 1 — «Сведения об общей перевозке грузов».

¹¹⁷ «Сокращенный отчет правления общества Владикавказской ж. д. за 1892 год», СПб., 1893, стр. 60—71, прилож. 14 — «Сравнительная ведомость перевозки грузов».

¹¹⁸ ТПЕРР, разд. VII, стр. 17.

Число торговых предприятий, их оборот и прибыль¹¹⁹

Предприятия	1886 г.			1896 г.		
	число предприятий	годовой оборот	годовая прибыль	Число предприятий	годовой оборот	годовая прибыль
		в млн. руб.			в млн. руб.	
Всего предприятий	5163	56,3	4,9	17 048	131,9	9,9
в том числе по продаже : мануфактурно-галантерейных изделий	2149	21,4	1,8	3 403	34,9	3,4
металлических изделий	195	2,4	0,5	201	3,5	0,3

лочные лавки с годовым оборотом около 2000 руб.¹²⁰. В осетинском селении Христиановское тогда же насчитывалось 18 лавок, торговавших преимущественно «красным товаром»¹²¹. Местный публицист Г. Цаголов писал в своих «Заметках из осетинской жизни»: «Прежде всего вас поражает обилие лавок: вы их встречаете везде, чуть ли не каждом шагу и перекрестке»¹²². В Сунженском отделе Грозненского округа в 12 ингушских селениях торговало 64 лавки, причем в девяти селениях имелось по 5 и более лавок в каждом, а в с. Базоркино — даже 12 лавок¹²³.

Однако все-таки из общей суммы торгового оборота, достигавшего к 1900 г. уже 165 млн. руб., на предгорную и горную зону приходилось всего 41 млн. руб., или менее 25%. Три четверти всех проданных товаров реализовалось в районах Степного Предкавказья¹²⁴.

Наиболее крупными торговыми центрами, сосредоточивавшими около половины (47,3%) всего торгового оборота края, являлись к концу XIX в. в степной зоне города Новороссийск, Екатеринодар, Армавир, Ейск, Ставрополь, а в горной — Владикавказ. На их долю к 1900 г. приходилось 72,1% оборота торговли мануфактурными изделиями этой зоны. Значительную роль в торговой жизни горной полосы края, помимо Владикавказа, имели Пятигорск, Грозный, Майкоп, Моздок, на долю которых приходилась почти половина (46,9%) оборота торговли мануфактурными изделиями горной зоны¹²⁵.

О характере и емкости рынка, формировавшегося на Сев. Кавказе в пореформенную эпоху, дают представление следующие данные о продаже фабрично-заводских изделий¹²⁶ (см. табл. 4).

На душу населения приходилось: в степной зоне 22 руб., а в горной — 11 руб. из общей стоимости проданных фабричных изделий. Это показывает, что главным рынком сбыта промышленных товаров в пределах Северного Кавказа являлась степная полоса, занятая в основном русским и украинским населением. Наоборот, в горной полосе края, где преобладало коренное население, сбыт промышленных товаров был более ограниченным. Очевидно, развитие товарно-денежных отношений

¹¹⁹ «Материалы для торгово-промышленной статистики. Статистические результаты трехпроцентного и раскладочного сборов за 1886 г.», СПб., 1888, стр. 171—173; то же за 1896 г., СПб., 1900, стр. 197—199. При составлении таблицы суммированы данные по Кубанской и Терской областям и Ставропольской губернии (без Дагестана).

¹²⁰ ГАААО, ф. 21, оп. 1, д. 37, лл. 9—10.

¹²¹ М. Слободжанин. На культурной работе. Очерки и воспоминания, СПб., 1907, стр. 259. Данные относятся к началу 90-х годов XIX в.

¹²² «Терские ведомости», 21 января 1900 г.

¹²³ «Статистические таблицы населенных мест Терской области», т. I, вып. 1, Владикавказ, 1890, стр. 37.

¹²⁴ ТПЕРР, разд. VII, стр. 4.

¹²⁵ Там же, стр. 4, 8, 9.

¹²⁶ Таблица составлена по данным, опубликованным в том же сборнике (разд. VII, стр. 9). Принятое составителями сборника Сев. Кавказа на степную и горную зоны несколько условно, но в общем отражает имевшее место в то время территориальное размещение экономических явлений в пределах края.

Торговый оборот (в тыс. руб.)

Зоны	Отрасли торговли			Всего по трем отраслям
	Мануфактурно-галантерейная	Бакалейная и москательная	Металлические изделия, машины и минеральное топливо	
Степная	21 026	22 201	7 035	50 262
Горная	10 846	10 584	4 524	25 954
Всего на Сев. Кавказе	31 872	32 785	11 559	76 216

сковывалось здесь патриархально-феодальными пережитками и колониальной эксплуатацией горского крестьянства со стороны русского царизма.

4. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА С ДРУГИМИ РАЙОНАМИ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

С течением времени Сев. Кавказ занимал все более определенное место в экономической системе пореформенной России. Об этом свидетельствуют данные о его рыночных связях с другими районами страны¹²⁷.

Из 128 млн. пудов отправленных за пределы края грузов около 75 млн. пудов (58%) составляли продукты земледелия и животноводства и 38 млн. пудов (29%) минеральное топливо и сырье. Следовательно, в общей сложности на продовольствие и сырье приходилось 87% всего вывоза, что уже само по себе достаточно ясно показывает место Сев. Кавказа в системе всероссийского рынка.

Из общего количества вывезенных сельскохозяйственных продуктов, достигавшего 75 млн. пудов, более 54 млн. пудов или 72% составляли хлебные грузы, в том числе зерновые — 46 млн. пудов. Из них более половины (около 30 млн. пудов) экспортировалось за границу, а в пределах России значительное количество отправлялось в районы Северного Причерноморья и Приазовья (10 млн. пудов) и Закавказья (3 млн. пудов). Почти 40% хлебного вывоза приходилось на долю пшеницы (21 млн. пудов), 22% на долю ячменя (12 млн. пудов) и 11% — кукурузы (5,9 млн. пудов). В заграничном экспорте хлебопродуктов удельный вес пшеницы (11 млн. пудов) и ячменя (10 млн. пудов) превышал 72%. Пшеничная мука направлялась в основном в Закавказье (3,5 млн. пудов) и в Среднюю Азию (0,3 млн. пудов).

Из 9 млн. пудов вывозимых масличных семян за границу отправлялось 6 млн. пудов, а остальные 3 млн. пудов направлялись преимущественно в Южную Украину, а также центральные губернии России. Жмыхи почти целиком вывозились за границу (3,5 млн. из 3,7 млн. пудов). Овечья шерсть сбывалась преимущественно на Украину, в Польшу и в Московский промышленный район.

За пределы Сев. Кавказа вывозилось 27 млн. пудов местных нефтепродуктов, не считая 20 млн. пудов транзитных нефтяных грузов, направлявшихся через территорию края из Баку и Петровска к Новороссийску и Ростову. Главный поток нефтепродуктов шел через Новороссийский порт за границу (17 млн. пудов) и в причерноморские города Украины (4,6 млн. пудов). Продукция Новороссийских цементных заво-

¹²⁷ Имеются в виду данные обследования, проведенного в 1900 г. Министерством торговли и промышленности, и опубликованные в 1903 г. (ТПЕРР, разд. VII). В основу разработки положены сведения о торгово-промышленных предприятиях и грузообороте ж. д. станций и пристаней. Ссылки на страницы не делаются.

дов большей частью находила сбыт в индустриальных центрах Юга, где развертывалось большое промышленное строительство. Вывоз цемента достигал 7 млн. пудов.

Общая стоимость вывоза из пределов Сев. Кавказа составляла 122 625 тыс. руб., в том числе заграничного экспорта — 57 838 тыс. руб. В границах империи рынками сбыта для Сев. Кавказа являлись, прежде всего, портовые города и промышленные центры Украины (Донбасса, Приднепровья и др.), куда отправлялось товаров на сумму 37 816 тыс. руб., а также Баку и другие города Закавказья (15 917 тыс. руб.). Значительной была стоимость вывоза в районы Правобережной Украины (2 405 тыс. руб.), Польши (1 092 тыс. руб.), Северо-западных губерний России (1 769 тыс. руб.), Московской промышленной области (1 062 тыс. руб.). Следует отметить связи Сев. Кавказа с Дальним Востоком, куда отправлялось (морским путем Новороссийск — Владивосток) товаров на сумму 1 788 тыс. руб. (преимущественно цемента).

Таким образом, к концу XIX в. Сев. Кавказ снабжал продовольствием, сырьем и минеральным топливом в первую очередь промышленные районы Юга и Центра страны, отчасти Польши и Северо-Запада, а также играл определенную роль во внешней торговле России. Вместе с тем сам Сев. Кавказ, как уже отмечалось, являлся рынком сбыта для товаров (в основном промышленных изделий), привозимых из Южной Украины (на сумму 18 млн. руб.), Закавказья (22 млн. руб.), Поволжья (13 млн. руб.), центральных губерний (2,5 млн. руб.) и даже в небольшом количестве — из Урала и Сибири. Всего стоимость привоза составляла 61 млн. руб., т. е. была вдвое ниже стоимости вывоза.

Отсюда следует, что наиболее тесные экономические связи Сев. Кавказ имел с теми районами Юга, где в пореформенное время бурно развивалась крупная капиталистическая промышленность, а также старыми индустриальными районами Центральной России. Создание новых индустриальных центров в Донбассе, Приазовье, Приднепровье и Закавказье (Баку) явилось, по-видимому, могучим стимулом для развития торгового земледелия и животноводства и разработки недр Сев. Кавказа. Известную роль сыграл, разумеется, и рост промышленного производства Москвы, Петербурга, Риги, Лодзи и других городов империи, значительно выросших на протяжении пореформенного периода.

Говоря о южных окраинах России, В. И. Ленин писал: «Только благодаря тесной связи с внутренним и с внешним рынком могло идти так быстро экономическое развитие этих местностей; и это было именно капиталистическое развитие»¹²⁸. Как показывает приведенный фактический материал, сказанное в полной мере относится и к Сев. Кавказу.

Однако следует иметь в виду некоторые весьма существенные внутренние различия изучаемого экономического района. Если степная полоса Сев. Кавказа, специализируясь на производстве сельскохозяйственных продуктов и получая в обмен готовые промышленные изделия, являлась колонией лишь в экономическом смысле, то горная зона этого края с преобладанием нерусского населения принадлежала в основном к тем окраинам Российской империи, о которых В. И. Ленин говорил, как о «колониях чистейшего типа»¹²⁹. Поэтому в степной полосе успешно развивался земледельческий капитализм и наблюдалась ярко выраженная тенденция к аграрной эволюции американского типа, тогда как в горной зоне капитализм не стал господствующей формой производственных отношений.

Конечно, и горные районы Сев. Кавказа на протяжении пореформенного периода все более втягивались в орбиту капиталистического развития России, поскольку они уже находились в составе Русского государ-

¹²⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 219.

¹²⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 323.

ства. И в этих районах сельское хозяйство и ремесло вынуждены были приспособляться к требованиям всероссийского рынка, увеличивая производство тех продуктов, на которые спрос был выше. В Кабарде, Осетии, Чечено-Ингушетии за счет сокращения посевов проса расширялись площади под ячменем и кукурузой, ибо именно в них нуждались винокуренные и крахмальные заводы Владикавказа, Моздока, Ростова. В Дагестане делало успехи местное виноделие¹³⁰. Кабардинские князья становились крупными коннозаводчиками и овцеводами. Балкарские феодалы Урусбиевы устроили в 1889 г. в Баксанском ущелье молочную ферму и сыроварню для изготовления швейцарского сыра, который сбывали в Нальчик и Владикавказ. Один из Урусбиевых даже ездил в Швейцарию изучать технику сыроварения¹³¹.

Но все эти и многие другие факты не могут опровергнуть того, что проникавшие в горский аул капиталистические отношения с трудом пробивали себе дорогу сквозь толщу патриархально-феодального быта. Русский царизм и после завоевания Кавказа проводил там политику укрепления местной знати, что неизбежно вело к консервации ряда феодальных институтов и патриархально-родовых пережитков. Поощрение военно-казачьей колонизации в кавказских предгорьях являлось оборотной стороной той же медали. В результате, многоплеменное горское крестьянство безмерно страдало от малоземелья. В горах бытовали кабально-ростовщические формы эксплуатации¹³². Агротехника оставалась примитивной, а труд крестьянина малопродуктивным. Поборы, взимаемые местными феодалами, и многочисленные налоги в пользу царской казны почти лишали крестьян возможности каких-либо накоплений. Современники отмечали, что «все кавказские крестьянские земли обложены в 10 раз выше, чем наиболее обложенные крестьянские земли в России»¹³³. Это было одним из ярких проявлений колониального режима, под гнетом которого находилось коренное население Северного Кавказа.

В итоге, сельская беднота в горах росла гораздо быстрее, чем в степной полосе края, а сельская буржуазия — значительно медленнее, чем в переселенческих селах и казачьих станицах. Между тем сфера применения наемного труда в горском ауле была крайне ограниченной, и разорвавшиеся бедняки вынуждены были уходить далеко от дома в поисках заработка.

В таких условиях, несмотря на развитие товарно-денежных отношений, хозяйство трудящихся горцев продолжало в известной степени сохранять черты натуральной замкнутости. Хлеба, как правило, горцу не хватало даже на пропитание. Скотоводство имело в основном потребительский характер. Недаром торговый оборот горной зоны Сев. Кавказа в 1900 г. составлял 41 588 тыс. руб., или в среднем по 25 руб. на каждого жителя, тогда как оборот степной зоны достигал 124 402 тыс. руб., или 54 руб. на каждого жителя¹³⁴. Это показывает, насколько слабее население горных районов было связано с рынком, а следовательно, насколько еще далек был от завершения процесс экономического «завоевания» Кавказа российским капитализмом.

И тем не менее, было бы неправильно вовсе отрицать эту связь, как это делали некоторые авторы, заявлявшие, что «ни торговый, ни промышленный капитал не проникал в дагестанские горы», и что хозяйство горского крестьянина «не было связано с промышленностью, ...сохраняло

¹³⁰ «История Кабарды», М., 1957, стр. 133; «История Северо-Осетинской АССР», М., 1959, стр. 203; «Терский сборник», вып. 3, стр. 74.

¹³¹ «Северный Кавказ», 5 января 1889 г.

¹³² В Кабарде была распространена кабальная форма кредита «бегенда», согласно которой должник отдавал заимодавцу в залог свой участок земли. В Осетии существовал особый вид кабальной аренды за отработку — «хаддзон» и т. д.

¹³³ В. П. Погожев. Кавказские очерки, СПб., 1910, стр. 250—251.

¹³⁴ ТПЕРР, разд. VII, стр. 4.

свои натуральные формы, не проявляя никаких тенденций к развитию товарности»¹³⁵.

Конечно, ближе к истине точка зрения тех исследователей, которые считают, что в пореформенный период под влиянием развития капитализма вширь и в горных районах Сев. Кавказа «происходила замена господствовавшего ранее натурального крестьянского хозяйства мелкотоварным»¹³⁶. Дело в том, что в пореформенное время не только средний, но и бедный крестьянин-горец, уже не мог существовать вне связи с рынком, какой бы слабой эта связь не была. Он должен был продавать зерно и скот, хотя бы за счет недоедания, чтобы заплатить налоги в пользу казны, сборы в пользу местных князей, беков, мулл, чтобы купить недостающее до будущего урожая количество хлеба, приобрести дешевую ткань на платье. Деньги становились нужны даже жителям самых отдаленных аулов. Трудящиеся горцы год от году оказывались беднее, уровень материальной жизни их понижался, но денег проходило через их руки все больше и больше. В. И. Ленин подчеркивал этот парадоксальный момент, когда писал: «Упадок благосостояния патриархального крестьянина, ведшего ранее преимущественно натуральное хозяйство, вполне совместим с увеличением в его руках количества денежных средств, ибо, чем дальше разоряется такой крестьянин, тем более вынужден он прибегать к продаже своей рабочей силы, тем большую часть своих (хотя бы и более скудных) средств существования он должен приобретать на рынке»¹³⁷.

Все более возрастающая часть продукции сельского хозяйства и домашних промыслов горского крестьянства поступала на рынок.

Таким образом, постепенно и горная зона Сев. Кавказа вовлекалась в экономическую систему пореформенной России. Важнейшим объективным последствием этого являлось дальнейшее сближение трудящихся масс коренного населения края с русским народом. Трудовое общение горской бедноты с русскими рабочими на полях и плантациях кулаков, на промыслах и рудниках капиталистов имело огромное значение. Тысячи отходников-горцев служили связующим звеном между русскими пролетариями и трудовым крестьянством национальных районов Кавказа, приобщая его к революционной борьбе русского народа.

Подобное явление было типично не только для кавказских областей. Развитие капитализма вширь и вовлечение окраин империи в систему всероссийского капиталистического рынка резко усилили тенденцию к «хозяйственному сближению народов и постепенному объединению громадных территорий в одно связанное целое». Но вследствие несоответствия реальных форм этого процесса его исторически прогрессивному содержанию «наряду с тенденцией объединения нарастала тенденция к уничтожению насильственных форм этого объединения»¹³⁸, причем борьбу всех народов России возглавил и направил русский рабочий класс. Именно в этом и заключалось главное объективно-историческое значение развития капитализма вширь в пореформенной России.

---

¹³⁵ Н. Самурский (Эфендиев). Дагестан, М.—Л., 1925, стр. 7, 53.

¹³⁶ А. Г. Мелешко. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана в конце XIX — начале XX вв., автореф. канд. дисс., Махачкала, 1958, стр. 19.

¹³⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 20.

¹³⁸ «КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, изд. 7, М., 1953. Резолюция XII съезда партии по национальному вопросу, стр. 709—710.

